

Влияние международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций

 В.И. Бартенев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В последнее десятилетие на первый план в международном дискурсе вышел вопрос о расширении участия частного бизнеса в достижении целей устойчивого развития, в том числе в юрисдикциях с высоким уровнем риска. Эта задача может решаться с применением как инновационных инструментов мобилизации ресурсов частного сектора (квалифицируемых в настоящее время в ОЭСР как официальная помощь развитию (ОПР)), так и классических мер внешней поддержки самих нуждающихся стран, на которые пока приходится почти весь объём направляемых им средств. Цель обзора – оценить научный опыт осмысления проблемы влияния традиционных инструментов международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций (ПИИ), обозначить имеющиеся ограничения и наметить пути их преодоления.

В первом разделе кратко раскрыта суть заявленной проблемы и описаны принципы отбора литературы с применением библиографической базы Google Scholar. Во втором разделе наиболее релевантные работы классифицированы и сопоставлены по формальным признакам и методологическим параметрам. В последующих двух разделах обобщены результаты осмысления митигирующего воздействия международной помощи в целом и её влияния на отдельные виды политических рисков – экспроприацию, терроризм и коррупцию. В последнем разделе рассмотрена отдельная подгруппа работ, посвящённых специфическому опыту КНР как крупнейшего незападного донора.

Проведённый библиометрический анализ позволяет сделать вывод: степень научной разработанности заявленной проблематики не соответствует уровню внимания, уделяемому ей в политическом дискурсе. Ощущается дефицит трудов, охватывающих весь спектр основных политических рисков для бизнеса. Лишь в исключительных случаях разграничивается митигирующий эффект грантов и кредитов, инструментов с разным целевым назначением; потоков, направляемых по правительственной линии и в обход официальных институтов. Нет исследований, которые бы рассматривали проблему митигации политических рисков для ПИИ посредством ОПР применительно ко всей совокупности западных и незападных провайдеров или изучали опыт любых других стран вне ОЭСР, кроме

УДК 327.81:339.9

Поступила в редакцию: 31.08.2023

Принята к публикации: 02.10.2023

Китай. Преимущественно работы зарубежных учёных по заявленной проблематике не охватывают всех реципиентов, в их фокусе оказывается африканский континент, а разграничения между категориями получателей помощи – «хрупкими» и стабильными государствами, странами с различным уровнем дохода и т.д. – проводятся крайне редко. Наконец, пока в релевантных работах не изучались данные за период после начала пандемии COVID-19, которая внесла коррективы и в представления о политических рисках для транснационального бизнеса, и в распределение потоков международной помощи и ПИИ. Всё это указывает на наличие исследовательской ниши, заполнение которой будет иметь не только научное, но и прикладное значение.

Ключевые слова: международная помощь, политические риски, прямые иностранные инвестиции, библиометрия, эконометрика, терроризм, экспроприация, коррупция, конфликты

В последнее десятилетие на первый план в глобальном дискурсе вышел вопрос о путях расширения участия частного бизнеса в достижении целей устойчивого развития. Символом новых приоритетов стал яркий и запоминающийся лозунг «от миллиардов к триллионам»¹. Однако стремительная фрагментация глобального пространства, ускорившаяся на фоне пандемии COVID-19, зримая политизация всех форм экономической деятельности, усиление нестабильности во многих регионах земного шара усложнили воплощение этого императива в жизнь. Стало ясно: подлинного прорыва в привлечении средств на цели развития невозможно добиться – особенно, если речь идёт о наиболее уязвимых государствах – без учёта политических рисков для транснационального бизнеса, предпочитающего вести деятельность в как можно более предсказуемых и безопасных условиях².

В теории изменению ситуации к лучшему может помочь применение государствами и многосторонними организациями двух типов инструментов. С одной стороны – *традиционных мер* поддержки самих нуждающихся стран (Бартенев 2023), совокупный объём финансирования которых уже превысил две сотни миллиардов долларов. С другой стороны – *инновационных инструментов* мобилизации ресурсов частного сектора (*private sector instruments, PSI*), с недавних пор квалифицируемых ОЭСР как «официальная помощь

¹ *From Billions to Trillions: Transforming Development Finance Post-2015 Financing for Development: Multilateral Development Finance*. 2015. African Development Bank, the Asian Development Bank, the European Bank for Reconstruction and Development, the European Investment Bank, the Inter-American Development Bank, the International Monetary Fund, the World Bank Group. DC2015-0002. April 2. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/622841485963735448-0270022017/original/DC20150002EFinancingforDevelopment.pdf> (accessed 25.10.2023)

² Kher P., Chun D. 2020. Policy Options to Mitigate Political Risk and Attract FDI. *World Bank Group*. P. 4-6. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/c323e356-9d13-5cd9-af63-0b2c3cbca36c/content> (accessed 25.10.2023)

развитию»³. Последние применяются всё активнее (в 2018–2021 гг. масштабы их финансирования выросли на 17% – с 4,4 до 5,2 млрд долл.), но пока ещё составляют микроскопически малую долю от совокупного объёма ОПР (порядка 2,8% в 2021 г.)⁴. Цель обзорной статьи – оценить накопленный учёными опыт анализа влияния пока ещё более востребованных классических инструментов международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций, обозначить имеющиеся ограничения и наметить возможные пути их преодоления.

Статья состоит из пяти разделов. В первом разделе мы кратко раскроем суть рассматриваемой проблемы, обозначим принципы отбора исследований и впишем их в более широкий научный контекст. Во втором разделе наиболее релевантные работы, отобранные по результатам поиска, будут классифицированы и сопоставлены по нескольким ключевым формальным признакам и методологическим характеристикам. В третьем и четвёртом разделах обобщаются результаты оценивания их авторами митигирующего эффекта международной помощи в целом, а также её влияния на отдельные виды политических рисков. Наконец, в последнем, пятом разделе детально рассмотрено содержание работ, посвящённых опыту Китая, который привлекает к себе всё больше внимания.

Связи между внешней помощью, политическими рисками и прямыми иностранными инвестициями через призму библиометрии

Отбор релевантных исследований для обзора представлял собой весьма нетривиальную задачу, поскольку мы имеем дело с достаточно специфической, «сложносоставной» проблемой. Образуют её три стержневые для международной политической экономии понятия – «международная помощь», «прямые иностранные инвестиции» и «политические риски», – ни одно из которых формально не подразумевает обязательного рассмотрения в связке с другими.

Например, международная помощь может использоваться для самых разных целей – отнюдь не только для стимулирования прямых иностранных инвестиций (Van der Veen 2011; Дегтерёв 2012; Максимова 2015; Содействие

³ Под «официальной помощью развитию (ОПР) Комитет содействия развитию ОЭСР (далее – КСР ОЭСР) понимает «потоки, которые направляются в государства и территории, включённые в список реципиентов ОПР, и многосторонние институты официальными учреждениями (включая региональные и муниципальные органы власти); имеют первоочередной целью оказание содействия экономическому и социальному развитию и носят льготный характер». *OECD. Official development assistance – definition and coverage*. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/officialdevelopmentassistance/definitionandcoverage.htm> (accessed 25.10.2023).

⁴ Craviotto N. Little to Celebrate. An Assessment of Official Development Assistance in 2022. Briefing Paper. June 2023. *European Network on Debt and Development*. URL: https://eurodad.org/little_to_celebrate (accessed 25.10.2023)

международному развитию 2018 и др.). Точно так же и осуществление капиталовложений за рубежом не всегда подкрепляется инструментами официальной помощи – тем более в «хрупких» государствах (*fragile states*)⁵.

С другой стороны, существуют и иные виды страновых рисков для прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые не относятся к категории политических (Братерский 2010: 129–131). Более того, термин «политические риски» применяется – с разным смысловым наполнением – по отношению к рискам, сопряжённым как с оказанием помощи (в первую очередь, в наиболее «проблемных» государствах)⁶, так и с осуществлением торгово-инвестиционной деятельности. Во втором случае речь идёт о политических рисках, которые могут возникать отнюдь не только для капиталовложений, но и для внешней торговли, и для трансграничного кредитования (на коммерческих основаниях).

Наконец, политические риски для транснационального бизнеса совсем не обязательно должны исследоваться в связке с международной помощью, поскольку факторы, их продуцирующие, проявляют себя в том числе и в развитых странах, которые внешнюю помощь в привычном смысле слова не получают вовсе. Международная помощь, в свою очередь, может рассматриваться под самыми разными углами, и совсем не обязательно через призму риск-менеджмента.

Другими словами, если эти три понятия в научных публикациях всё же изучаются в той или иной комбинации друг с другом, мы имеем дело с вполне осознанным решением исследователей. Если вынести за скобки видовое разнообразие каждого элемента, можно обозначить три диадные смычки и образуемую их сопряжением «треугольную» предметную область. Кроме того, каждый элемент триады оказывает влияние ещё и на точки сопряжения между двумя другими элементами.

Внутри этого «треугольника» располагается и та часть инструментов финансирования развития (*development finance*), которые призваны непосредственно снижать уровень оцениваемых бизнесом политических рисков (Бартенев 2023) и льготную (субсидируемую государствами-донорами) составляющую которых КСР ОЭСР с недавних пор как раз и счёл частью ОПР⁷.

⁵ См., например: Collier P., Gregory N., Ragoussis A. 2019. Pioneering Firms in Fragile and Conflict-Affected States: Why and How Development Financial Institutions Should Support Them. *BSG Working Paper Series*. BSG-WP-2019/028. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2019-04/BSG-WP-2019-028.pdf> (accessed 25.10.2023)

⁶ Преимущественно термин используется в рамках получившей широкое распространение в профильном дискурсе типологии рисков, разработанной специалистами британского Института зарубежного развития и получившей известность под названием «Копенгагенские круги». Представлена впервые в 2011 г. здесь: Metcalfe V. et al. 2011. Risk in Humanitarian Action: Towards a Common Approach? L.: *Overseas Development Institute*. URL: <https://www.odi.org/publications/5463-risk-humanitarian-action-towards-common-approach> (accessed 25.10.2023)

⁷ Общие принципы учёта инструментов мобилизации ресурсов частного сектора в качестве ОПР были согласованы на встрече высокого уровня КСР ОЭСР еще в 2016 г., однако процесс обсуждения технических деталей пока ещё не завершён. См.: DAC Working Party on Development Finance Statistics Private Sector Instruments: ODA-Eligibility Assessment. DCD/DAC/STAT(2022)51/REV2. OECD. 6 March 2023. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT\(2022\)51/REV2/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT(2022)51/REV2/en/pdf) (accessed 25.10.2023)

Ввиду специфичности рассматриваемой проблемы важно было для начала оценить, насколько равномерно распределено внимание исследователей как между самими элементами триады, так и между диадными связками. Для этого было решено воспользоваться библиографической базой Google Scholar, производя поиск ключевых слов и/или их сочетаний в англоязычных и русскоязычных публикациях с учётом особенностей их употребления на обоих языках – сначала только в названиях⁸. Полученные «сырые» числовые данные, позволяющие оценить исследовательский интерес к заявленной теме в динамике, приведённые в табл. 1, оказались в высшей степени показательными.

Исследовательский интерес между элементами рассматриваемой триады распределён отнюдь не равномерно. В англоязычном сегменте ПИИ посвящено почти в три раза больше статей, чем международной помощи, а той, в свою очередь, – почти в шесть с лишним раз больше научных работ, чем политическим рискам. В русскоязычном сегменте самым малоизученным феноменом, напротив, оказалась как раз международная помощь.

Отмеченные диспропорции в степени внимания к политическим рискам и к двум другим элементам триады имели место ещё в XX в., но применительно к ПИИ и международной помощи явно обозначились только в XXI столетии – на фоне роста значимости частных финансовых потоков. Отдельно можно констатировать рост интереса учёных к проблематике политических рисков с 2010-х гг., в ответ на усиление нестабильности как в отдельных регионах мира (начиная с Ближнего Востока и Северной Африки и заканчивая постсоветским пространством), так и на глобальном уровне.

Невозможно не обратить внимание и на различия между англоязычным и русскоязычным сегментами в том, что касается изучения диадных связей между элементами триады. Интерес к ним проявляют исключительно зарубежные исследователи, в то время как поиск трудов на русском языке с заданными критериями отбора выявляет лишь одну⁹ работу, посвящённую, пожалуй, самой прочной из связей – между политическими рисками и ПИИ (Силкин 2011).

⁸ Так, например, применительно к трансграничным потокам, направляемым в развивающиеся страны на льготной или безвозмездной основе, решено было использовать шесть наиболее часто употребляемых в англоязычном дискурсе – преимущественно взаимозаменяемо – лексем: 'foreign aid', 'foreign assistance', 'international aid', 'international assistance', 'external aid', 'external assistance'. При этом автор отдаёт себе отчёт в том, что термин 'foreign aid'/'foreign assistance' – в случае с отдельными странами (в первую очередь, США) может включать помощь различной целевой направленности – как потоки, соответствующие критериям ОПР, так и помощь в сфере безопасности и поставки оружия. Вместе с тем абсолютное большинство учёных употребляют данный термин в значении, идентичном значению понятия «ОПР». Это подтвердило и ознакомление с исследованиями, которые попали в нашу итоговую подборку. Применительно к русскоязычному сегменту использовался следующий набор терминов: «внешняя помощь»/ «иностранная помощь»/ «зарубежная помощь» / «международная помощь».

⁹ Отдельно стоит отметить англоязычную статью С. Мишра и Е. Федоренко из РУДН, опубликованную в отечественном журнале «Вестник МИРБИС» и раскрывающую связь между внешней помощью и ПИИ в Непале (Mishra and Fedorenko 2019).

Что касается англоязычной литературы, диадные связки с ПИИ в качестве одного из элементов, исследованы приблизительно одинаково. Число трудов, им посвящённых, превышает две сотни. Третья же диадная связка – между политическими рисками и международной помощью – занимает в библиографии периферийное место – общее количество изучающих её публикаций в буквальном смысле можно пересчитать на пальцах одной руки. Трудов же, посвящённых интересующей нас «треугольной» предметной области, и того меньше.

Таблица 1. Результаты поиска релевантных публикаций в библиографической базе Google Scholar (по состоянию на август 2023 г.)

Table 1. Google Scholar query results (August 2023)

Англоязычные труды						Русскоязычные труды					
Ключевые слова	ВСЕГО	До 2000	2001–2010	2011–2020	2021–2023	Ключевые слова	ВСЕГО	До 2000	2001–2010	2011–2020	2021–2023
Результаты поиска релевантных публикаций по названиям											
'political risk'	3094	893	658	1170	373	«политические риски»***	321	27	75	179	40
'foreign direct investment'*	50310	9140	16700	16900	7570	«прямые иностранные инвестиции»****	818	42	206	501	69
'foreign aid'**	17730	6220	4110	6200	1200	«международная помощь»*****	92	10	16	56	10
'political risk' + 'foreign direct investment'	243	45	61	110	27	«политические риски» + «прямые иностранные инвестиции»	1	0	0	1	0
'foreign direct investment' + 'foreign aid'	204	4	40	131	29	«прямые иностранные инвестиции» + «международная помощь»	Труды, соответствующие заданным критериям отбора, не обнаружены				
'political risk' + 'foreign aid'	5	2	0	2	1	«политические риски» + «международная помощь»					
'foreign aid' + 'political risks' + 'foreign direct investment'	2	0	0	1	1	«международная помощь» + «политические риски» + «прямые иностранные инвестиции»					
Справочно: Результаты поиска релевантных публикаций по полнотекстовым версиям											
'foreign aid' + 'political risks' + 'foreign direct investment'	5120	587	1250	2610	673	«международная помощь» + «политические риски» + «прямые иностранные инвестиции»	5	0	1	3	1

Источник: составлено автором.

Примечание: при поиске использовались следующие лексемы:

* 'foreign direct investment' и 'FDI',

** 'foreign aid', 'foreign assistance', 'international aid', 'international assistance', 'external aid', 'external assistance'.

*** «политический риск» и «политические риски»;

**** «прямые иностранные инвестиции» и «прямые зарубежные инвестиции»,

***** «международная помощь», «иностранный вклад», «зарубежная помощь», «внешняя помощь»

Если смягчить условия и оценить общее число исследований, в которых все элементы триады присутствовали бы не в заголовке, а в полном тексте, число релевантных трудов в поисковой выдаче Google Scholar оказывается больше на несколько порядков (в тысячи или сотни раз), но только применительно к англоязычным трудам. В русскоязычном сегменте, однако, количество исследований, соответствующих заданным критериям, так и не превысило пяти (!) (табл. 1).

Это побудило отсмотреть наиболее релевантные исследования «вручную». При этом нас интересовало влияние *традиционных* инструментов международной помощи на факторы политического риска для ПИИ. Выставление такого условия позволило изначально сузить выборку. В первую очередь, был отсечён пласт исследований, посвящённых применению принципиально отличных по своей природе инструментов страхования политических рисков отдельными государствами-донорами (см.: Perry 1996; Peinhardt, Allee 2016; и др.) или «сертифицированными» КСР ОЭСР международными организациями, в частности, Международной финансовой корпорацией (Gamso, Nelson 2019) и Многосторонним агентством по инвестиционным гарантиям (Gamso, Dimitrova 2023).

Кроме того, был вынесен за скобки достаточно широкий пласт исследований (в том числе широко цитируемых), в которых фактор политического риска не являлся объектом исследования, а выступал лишь в качестве *контролируемой* переменной (control variable) при оценке влияния помощи на объёмы прямых иностранных инвестиций (Harm, Lutz 2006; Selaya, Sunesen 2012; Donabauer, Herzer, Nunnenkamp 2014; и др.)

В итоге в подборку англоязычных исследований, которые затрагивают интересующую нас связь, мы включили почти два десятка работ (включая две неопубликованные рукописи). Отметим также, что, к большому сожалению, в отечественной литературе даже после смягчения условий поиска достаточного числа релевантных исследований для сопоставительного анализа двух сегментов обнаружено не было. Результаты классификации отобранных работ и их анализ по формальным признакам и характерным особенностям методологии представлены во втором разделе.

Сопоставление релевантных работ по формальным признакам и характерным особенностям методологии

Отобранный нами комплекс трудов неоднороден. В общей сложности выборку можно разделить на три небольшие подгруппы (табл. 2).

Таблица 2. Классификация отобранных научных статей и их библиометрические показатели (по состоянию на август 2023 г.)

Table 2. Classification and bibliometric parameters of selected research papers (August 2023)

№ п/п	Вид изучаемого политического риска	Краткое обозначение статьи (в Гарвардском формате цитирования)	Кол-во цитирований по Google Scholar	Наличие цитирований других статей из выборки
Подгруппа 1: Научные статьи общетеоретического плана и эконометрические исследования с широким географическим охватом, посвящённые влиянию помощи на факторы политического риска				
1	Экспроприация	Asiedu and Villamil 2002	28	-
2		Asiedu, Jin and Nandwa 2009	215	1 ¹⁰
3		Biglaiser, Lee and Staats 2016	19	2
4		Jin and Zeng 2017	5	1,2
5		Jensen et al. 2020	18	3
6	Терроризм	Bandyopadhyay, Sandler and Younas 2014	274	1,2
7		Lee 2017	39	2,6,11
8		Efobi, Asongu and Beecroft 2018	7	2,6,7
9	Коррупция	Bahoo et al. 2023	0	2,11,18
Подгруппа 2: Научные статьи, посвящённые влиянию иностранной помощи на уровень оцениваемого зарубежными инвесторами политического риска				
10	Легально-правительственные риски (исходя из контекста)	Kimura and Todo 2010	277	-
11		Garriga and Phillips 2014	106	1,2
12	Национализация/Экспроприация	Jensen and Behmer 2018	1	2,
13	Все виды риска	Blanton and Machain 2022	0	5,7,11
Подгруппа 3: Научные статьи, исследующие потоки помощи и ПИИ из КНР				
14	Легально-правительственные риски (исходя из контекста)	O'Neill 2011	2	-
15		Lu, Huang and Muchiri 2017	16	2
16		Lu, Li and Wu 2018	36	1,2,11
17		Wang et al. 2022	1	2,4,15
18		Fon and Alon 2022	3	15

Источник: составлено автором.

В первую подгруппу мы определили девять статей, авторы которых стараются оценить влияние помощи на факторы политического риска. Все без исключения принадлежащие к ней работы фокусируются на отдельных факторах политического риска различного происхождения¹¹ – экспроприации, терроризме, коррупции.

Вторую группу формируют несколько весьма широко цитируемых исследований, в которых речь идёт о влиянии официальной международной помощи (за одним исключением (Blanton, Machain 2022) – невоенной) на уровень оцениваемого (воспринимаемого) инвесторами риска.

¹⁰ Номер в этой колонке соответствует номеру, под которым данная работа значится в таблице 2.

¹¹ Риски легально-правительственного характера представляют собой ограничительные решения, принимаемые государственными структурами. Риски же экстра-легального характера генерируются преимущественно негосударственными акторами и связаны, так или иначе, с выплеском имеющегося в обществе конфликтного потенциала в той или иной форме.

Самостоятельную, третью подгруппу образуют исследования, посвящённые рассмотрению заявленной проблемы на примере Китайской Народной Республики. Опыт Китая как крупнейшего незападного государства-донора из-за целого ряда факторов – как политических, так и чисто научных (специфичность политики содействия развитию, отсутствие сопоставимых с другими донорами статистических данных и т.п.) – исследуется преимущественно обособленно – как китайскими, так и западными учёными. В работах этой подгруппы нет заявленного фокуса на конкретных видах политического риска, но при внимательном прочтении оказывается, что преимущественно речь идёт о риске экспроприации активов китайских инвесторов.

Сопоставительный анализ отобранных исследований с использованием ряда формальных параметров (табл. 1) позволяет сделать ряд важных наблюдений:

1. В динамике прослеживается рост интереса исследователей к заявленной проблематике. Если в 2000-е гг. было опубликовано только две релевантные статьи (при этом с одним и тем же учёным в составе авторского коллектива – Э. Асиеду из Университета Канзаса (США) (Asiedu, Villamil 2002; Asiedu, Jin, Nandwa 2009)), то в 2010-е гг. происходит заметное расширение библиографического комплекса. Большая часть отобранных трудов вышла в свет после 2015 г. С нашей точки зрения, в этом можно увидеть косвенное следствие закрепления в международном политическом дискурсе идеи использования официального финансирования развития (далее – ОФР) для мобилизации ресурсов частного бизнеса (в том числе и посредством митигации политических рисков) после утверждения Целей устойчивого развития (ЦУР) и Аддис-Абебской программы действий в 2015 г.

2. Первопроходцами в разработке заявленной проблематики выступили учёные, аффилированные с образовательными и научными учреждениями западных стран (в первую очередь, США). Однако в целом в библиографическом массиве преобладают работы учёных, работающих в странах Глобального Юга – центрах Азиатско-Тихоокеанского региона (в первую очередь, КНР), Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки. В случае с китайскими авторами это можно рассматривать одновременно и как ещё одно проявление динамичного развития политэкономических исследований в стране, и как следствие актуализации вопросов защиты растущих китайских инвестиций за рубежом – в том числе и посредством применения инструментов ОФР. Интерес со стороны африканских учёных, в свою очередь, объясняется не только традиционной значимостью привлечения внешнего финансирования в реалиях Африки, но и заметным повышением уровня конкретного политического риска экстра-легального происхождения в странах континента – угрозы терроризма, которое легко отслеживается, например, по «Глобальному индексу терроризма», состав-

ляемому Институтом экономики и мира¹². Наблюдаемое же в последние годы возрождение интереса к заявленной проблематике со стороны исследователей, аффилированных с учреждениями США, Великобритании, стран ЕС, в свою очередь, можно воспринимать как своего рода обратную реакцию на появление большого числа работ китайских учёных, продвигающих вполне определённое понимание характера взаимодействия КНР с развивающимися странами (см. последний раздел).

3. Раньше всего учёные стали исследовать влияние международной помощи на риск экспроприации. Этой же теме принадлежит первенство и по числу публикаций. Большое внимание уделяется также терроризму. Это можно объяснить не только непреходящей важностью данной проблемы для множества развивающихся стран мира, но и влиятельностью первопроходческой статьи С. Бандиопадхиаи, Т. Сэндлера и Дж. Юнаса (Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014), которые сформировали набор данных, впоследствии использовавшийся большим числом исследователей.

4. Среди авторов отобранных трудов есть по крайней мере шесть исследователей (Э. Асиду, Н. Йенсен, И. Алон, Чжэн Цзинь, Ли Цзяи, Лу Вэньчжэнь, Хуан Сюэли), которые разрабатывали интересующую нас тему больше, чем в одной статье. В то же время анализ институциональной аффилиации авторов отобранных трудов указывает на отсутствие явных «центров превосходства», специализирующихся на данной проблематике.

5. 18 из отобранных нами статей опубликованы в 16 (!) разных журналах. Журнал *Review of International Organizations* можно считать сложившейся площадкой только применительно к одному аспекту заявленной проблематики, а именно к оценке влияния помощи от Бреттон-Вудских институтов на риски экспроприации активов зарубежных инвесторов. Что касается второго журнала, дважды фигурирующего в подборке, – *Thunderbird International Business Review*, издаваемого Школой глобального менеджмента при Университете штата Аризона, пока есть сомнения в том, что наиболее активная научная дискуссия по интересующим нас вопросам развернётся именно на его страницах (две опубликованные в нём статьи имеют общего автора – И. Алону (Fon, Alon 2022; Bahoo et al., 2023)).

6. Самой показательной характеристикой отобранных нами исследований является множество примеров цитирования авторами, интересующимися одним типом политического риска, работ коллег, которые посвящены рискам другого типа (табл. 1.) С нашей точки зрения, это доказывает, что отобранные научные труды всё же образуют некий отдельный пласт. В то же время в силу специфичности рассматриваемой триады авторы отобранных работ вступают

¹² Global Terrorism Index (GTI). *Institute for Economics and Peace*. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (accessed 25.08.2023)

в заочный диалог друг с другом реже, чем с учёными, которые изучают тот или иной её элемент отдельно или же, например, диадные связи. Это, с нашей точки зрения, говорит о том, что соответствующий исследовательский кластер ещё находится в стадии формирования. Данный вывод подтверждается и результатами сопоставления методологических и содержательных параметров отобранных работ.

В первую очередь, крайне важно было отделить сугубо теоретические исследования, а конкретно-эмпирические – в свою очередь, разделить на труды, применяющие качественные и количественные (эконометрические) методы. Чисто теоретических исследований оказалось крайне мало (Asiedu, Villamil 2002; Jin, Zeng 2017), причём обе работы посвящены одному и тому же политическому риску легально-правительственного происхождения – экспроприации. Большая часть эконометрических исследований традиционно содержит одновременно и описание конструируемых авторами моделей, и верификацию априорных гипотез с использованием того или иного набора статистических данных. В нашей подборке оказалось лишь две работы, авторы которых решили не использовать эконометрические методы и сосредоточились на анализе отдельных кейсов (O'Neill 2011) и обработке мнений экспертов (Jensen, Behmer 2018).

Дополнительно мы сравнили используемые при осуществлении регрессионного анализа переменные и массивы статистических данных (с точки зрения широты временного диапазона, а также географического охвата провайдеров и реципиентов помощи). Результаты сопоставления представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3. Результаты сопоставления методологических особенностей отобранных теоретических работ и прикладных исследований с широким географическим охватом

Table 3. Theoretical and applied multi-country research: a methodological comparison

№ п/п	Краткое обозначение статьи ¹³	Временной диапазон выборки	Набор реципиентов международной помощи	Набор провайдеров помощи	Виды международной помощи*	Зависимая переменная
1	Asiedu and Villamil 2002	Верификация априорных гипотез с использованием статистических данных не производится			льготные кредиты, техническая помощь, многосторонняя помощь	запас капитала
2	Asiedu, Jin and Nandwa 2009	1983–2004	35 стран с низким уровнем дохода, 28 стран Африки южнее Сахары	не указано ¹⁴	вся помощь, двусторонняя помощь, многосторонняя помощь (% от ВВП)	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
3	Biglaiser, Lee and Staats 2016	1961–2006	75 развивающихся стран	МВФ	кредиты МВФ	число случаев экспроприации за год

¹³ В Гарвардском формате цитирования.

¹⁴ Можно предположить, что используются данные по всем «традиционным» донорам – членам КСР ОЭСР.

№ п/п	Краткое обозначение статьи ¹³	Временной диапазон выборки	Набор реципиентов международной помощи	Набор провайдеров помощи	Виды международной помощи*	Зависимая переменная
4	Jin, Yi and Zeng, Zhixiong 2017	<i>Верификация априорных гипотез использованием статистических данных не производится</i>			вся помощь	нетто-приток ПИИ
5	Jensen et al. 2020	1961–2010	80 развивающихся стран	МВФ Всемирный банк	кредиты МВФ, кредиты МБРР и МАР	число случаев экспроприации за год
6	Bandyopadhyay, Sandler and Younas 2014	1984–2008	78 стран ¹⁵	не указано ¹⁶	вся помощь, двусторонняя помощь, многосторонняя помощь (% от ВВП)	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
7	Lee 2017	1987–2007	114 стран	США все доноры, отчитывающиеся перед ОЭСР ¹⁷	помощь в борьбе с терроризмом ¹⁸ , «конфликто-ориентированная помощь» ¹⁹	нетто-приток ПИИ + нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
8	Efobi, Asongu and Beecroft 2018	1984–2008	78 стран ²⁰		вся помощь, двусторонняя помощь, многосторонняя помощь (логарифмы)	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
9	Bahoo et al. 2023	2001–2018	34 стран Африки	18 европейских–стран членов ОЭСР	двусторонняя помощь	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
10	Kimura and Todo 2010	1990–2002	98 стран-реципиентов	Топ-5 доноров: США, Япония, Великобритания Германия Франция	двусторонняя помощь «инфраструктурная» помощь «не-инфраструктурная помощь»	нетто-приток ПИИ (натуральный логарифм)
11	Garriga and Phillips 2014	1973–2008	все развивающиеся страны пост-конфликтные развивающиеся страны	США страны-доноры помимо США	нетто-ОПР (% от ВВП)	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
12	Jensen and Behmer 2018	Не применимо				
13	Blanton and Machain 2022	1985–2017	180 стран	США	военная помощь (% от ВВП)	Нетто-приток ПИИ (% от ВВП)

Источник: составлено автором.

Примечание: *Во всех эконометрических исследованиях используются данные по фактически предоставленной помощи (disbursements).

¹⁵ В это число входят преимущественно развивающиеся страны, по которым доступны данные о получаемой внешней помощи и контролируемым переменным. Афганистан, Ирак и Палестинские территории исключены авторами статьи по причине слишком большого числа террористических атак и фрагментарности конфликтов.

¹⁶ Можно предположить, что используются данные по всем «традиционным» донорам – членам КСР ОЭСР.

¹⁷ Широкая выборка доноров используется при проведении оценки робастности модели.

¹⁸ Ли Цзяи оперирует категорией 'counterterrorism aid', используя данные об ассигнованиях, выделенных Конгрессом США по статье «Противодействие нераспространению оружия массового поражения, борьба с терроризмом, разминирование и связанные программы» (Nonproliferation, Anti-terrorism, Demining, and Related Programs, NADR). Значительная часть такой помощи не соответствует критериям ОПР.

¹⁹ Анализируемая группа целевых направлений ОПР, отражённых в базе «Система отчётности кредиторов» ОЭСР (Creditor Reporting System, CRS), объединяет все направления помощи, так или иначе связанные с конфликтами – администрирование и реформирование сектора безопасности, предотвращение и урегулирование конфликтов, разминирование, реинтеграция бывших комбатантов, контроль над оборотом стрелкового оружия и легких вооружений.

²⁰ Выборка аналогична той, что используется С. Бандиопадхиаи и его соавторами.

Таблица 4. Результаты сопоставления методологических особенностей отобранных исследований, посвящённых анализу опыта КНР

Table 4. Selected research papers with a focus on China: a methodological comparison

№п/п	Краткое обозначение статьи ²¹	Временной диапазон выборки	Набор реципиентов международной помощи	Изучаемые виды помощи ²²	Зависимая переменная
1	O'Neill 2011	<i>не применяются эконометрические методы</i>			
2	Lu, Huang and Muchiri 2017	2002–2012	50 стран Африки Отдельно: африканские страны, богатые природными ресурсами	потоки помощи, соответствующие критериям ОПР прочие официальные потоки	ПИИ из КНР (натуральный логарифм)
3	Lu et al. 2017	2000–2014	53 страны Африки	двусторонняя помощь прочие официальные потоки (натуральные логарифмы)	фиктивная переменная (создание совместного предприятия(1)/сохранение инвестором полного контроля (0))
4	Wang et al. 2022	2000–2019	124 страны	агрегированная помощь со стороны КНР (данные AidData) помощь со стороны США, Японии, стран ЕС (данные ОЭСР)	ПИИ, осуществляемые китайскими компаниями
5	Fon and Alon 2022	2003–2014	21 страна Африки	помощь, соответствующая критериям ОПР помощь, не соответствующая критериям ОПР по степени льготности	ПИИ, осуществляемые китайскими государственными компаниями

Источник: составлено автором.

Даже при первом взгляде на обе таблицы привлекает внимание повышенное внимание исследователей к африканскому континенту. Функциональные же группы стран-реципиентов – по уровню доходов, степени «хрупкости» и затронутости вооружённым конфликтом или обладанию природными ресурсами – оказываются в фокусе внимания в исключительных случаях.

Массив наиболее релевантных исследований по заявленной проблематике характеризуется полным отсутствием работ, которые бы рассматривали все типы политического риска применительно ко всем группам доноров/стран происхождения и реципиентов помощи и ПИИ. Вместе с тем в текстах ряда статей из нашей подборки при внимательном прочтении можно обнаружить фрагменты, где авторы предпринимают попытку выйти на самый высокий уровень обобщения в изучении интересующей нас темы, и которые, по нашему мнению, заслуживают рассмотрения в первую очередь.

²¹ В Гарвардском формате цитирования.

²² Во всех статьях из табл. 4, кроме первой, для анализа данных по китайской помощи использовалась доступная на момент их выхода в свет версия набора данных, сформированного исследовательской лабораторией Aid Data в американском Колледже Вильгельма и Марии: *AidData's Global Chinese Development Finance Dataset*. <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-2-0> (accessed 25.10.2023).

Концептуализация механизмов митигирующего воздействия международной помощи

Импульс к осмыслению общей логики влияния международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций задали японские авторы – Х. Кимура из Министерства финансов Японии и Я. Тодо из Исследовательского института экономики, торговли и финансов Токийского университета. В своей широко цитируемой статье 2010 г. (Kimura, Todo 2010)²³ они осмыслили «проходческий» эффект помощи (*'vanguard effect'*) для ПИИ и объясняли его тремя факторами: 1) получением эксклюзивной информации о бизнес-климате в стране-реципиенте компаниями из страны-донора; 2) *снижением субъективного уровня риска, оцениваемого компаниями страны-донора* (курсив автора); 3) трансфером определённых практик, правил и институтов, характерных для страны-донора в страну-реципиент (Kimura, Todo 2010: 483). Главная идея Х. Кимура и Я. Тодо состояла в том, что позитивное воздействие международной помощи оказывает на потоки ПИИ из той страны-донора, которая её предоставляет, но не на ПИИ из других стран.

При этом учёные подчёркивали, что значимость указанных выше трёх эффектов будет отличаться в зависимости от того, идёт ли речь об «инфраструктурной» помощи (вложениях в экономическую и социальную инфраструктуру, включая здравоохранение и образование) или «не-инфраструктурной» (прямой поддержке бюджета и облегчении задолженности). С точки зрения Х. Кимура и Я. Тодо, оба типа помощи должны выполнять функцию «псевдогосударственной гарантии» и *сигнализировать* (курсив автора) об экономической и политической значимости страны, принимающей инвестиции, для донора. При этом «информационный эффект» (получение более точной информации о ситуации в принимающей стране и снижение тем самым уровня неопределённости), по их мнению, более выражен в случае с «инфраструктурной помощью». Что касается трансфера бизнес-практик донора, то лучше всего ему, по мнению японских учёных, будет содействовать оказание технической помощи (Kimura, Todo 2010: 484).

Взяв за основу предложенную Х. Кимура и Я. Тодо классификацию, коллектив китайских исследователей (Ван Хайцзюнь (Пекинский университет Вузи); Ян Ху; Ли Фэнъя; Чжан Минь (все – Центральный университет финансов и экономики в Пекине) спустя десятилетие предложил ещё более общую модель

²³ Данная статья представляет собой существенно переработанную версию более ранней публикации с тем же названием, вышедшей в свет в качестве доклада Исследовательского института экономики, торговли и финансов. На тот момент Я. Тодо ещё не был госслужащим и работал в Университете Аояма Гакуин в Токио (Kimura and Todo 2007).

митигирующего воздействия внешней помощи, которое распространяется на все виды страновых рисков для иностранных инвесторов, в том числе и политические риски.

По их мнению, такого рода эффект имеет пять основных измерений, отличающихся логикой причинно-следственных связей:

1) «компенсационный эффект» – иностранная помощь частично компенсирует потери страны-реципиента за допуск иностранных инвесторов на её внутренний рынок;

2) «синергетический эффект» – экономическая помощь (особенно, в развитии инфраструктуры) привлекает инвестиции и улучшает бизнес-климат в стране-реципиенте;

3) «проходческий эффект» – внешняя помощь способствует установлению связей с принимающей страной, создавая условия для прихода зарубежных инвестиций;

4) «ассимиляционный эффект» – помощь по правительственной или неправительственной линии может прямо или косвенно влиять на политику страны-реципиента, побуждая к принятию решений, более благоприятствующих деятельности компании из страны-донора;

5) «редистрибутивный эффект» – внешняя помощь обеспечивает постоянный приток средств в принимающую страну, которые могут быть распределены правительством страны-реципиента среди населения, в то время как размер налогов, которые могут поступить в казну с предприятий, построенных с помощью зарубежных инвестиций, очень сильно зависит от того, насколько успешной будет их деятельность (Wang et al. 2022: 254–255).

По мнению Ван Хайцзюнь и её соавторов, последние два эффекта оказывают прямое воздействие на политические риски, а третий – на экономические и политические риски одновременно.

При этом, с точки зрения упомянутых китайских учёных, митигирующий эффект внешней помощи имеет амбивалентный характер. С одной стороны, любая иностранная помощь снижает страновые риски. С другой стороны – поддержка, оказываемая одной страной, препятствует увеличению потоков ПИИ из других источников, поскольку оказание помощи осуществляется из эгоистических соображений (Wang et al. 2022: 252).

Наконец, по мнению авторов статьи, коммерчески ориентированная помощь лучше способствует притоку ПИИ, нежели помощь, ориентированная на развитие. Кроме того, в сравнении с поставками товаров и гуманитарной помощью, техническая и финансовая помощь играет более заметную роль в укреплении потенциала и качества управления (Wang et al. 2022: 253).

Проблему вариативности митигирующего воздействия международной помощи на политические риски любого типа пытались осмыслить в концептуальном плане А.К. Гаррига и Б. Дж. Филлипс из Центра экономических исследований и обучения в Мехико (Garriga, Phillips 2014). Однако авторы решили

ограничиться его рассмотрением применительно только к одной категории реципиентов – постконфликтным государствам, которые, как известно, характеризуются высоким риском возобновления конфликта, особенно в первые годы после завершения его активной фазы. Авторы видят уникальность постконфликтных стран в дефиците надёжной информации о происходящем (Garriga, Phillips 2014: 297), которая в их понимании может объясняться в том числе и стремлением правительств данных стран сознательно искажать сведения. В условиях неопределённости, по мнению авторов статьи, инвесторы обращают внимание, главным образом, на *сигналы* (курсив автора). Одним из таких сигналов может выступать как раз оказание принимающей стране помощи развитию – поскольку доноры в целом предоставляют более существенные средства тем странам, которым они больше доверяют (Garriga, Phillips 2014: 284).

Проверка данной гипотезы на эмпирическом материале, осуществленная А.К. Гаррига и Б.Дж. Филлипсом, показала, что потоки ПИИ в постконфликтные страны подчиняются иной логике, нежели потоки, направляемые в развивающиеся страны в целом. При этом помощь развитию со стороны США воздействует на потоки ПИИ совершенно иначе, чем помощь от других доноров. В случае с любыми другими провайдерами внешняя помощь играет роль позитивного сигнала для инвесторов, причём эффект наступает практически мгновенно – ещё до того, как помощь достигает заявленных целей. В случае же с США оказываемая ими помощь, наоборот, играет роль предостережения, поскольку преимущественно обусловлена не экономическими или деvelopeменталистскими соображениями, а геостратегическими (Garriga, Phillips 2014: 297–298).

Это позволяет авторам прийти к двум главным выводам. Во-первых, роль внешней помощи как позитивного сигнала для инвесторов определяется характером помощи – а именно тем, в какой степени оказание поддержки определяется политическими мотивами. Во-вторых, эта роль уменьшается по прошествии времени с момента завершения активной фазы вооружённого конфликта. По мнению А.К. Гаррига и Б.Дж. Филлипса, это доказывает, что «сигнальный» эффект помощи для иностранных инвестиций ограничивается контекстами, которые характеризуются дефицитом точной информации о происходящем «на земле» (Garriga, Phillips 2014: 280).

Особняком стоит статья профессора Университета Техаса в Остине Н. Йенсена и его аспиранта Т. Бемера (Jensen, Behmer 2018). Она посвящена проблеме влияния политических институтов и характера межгосударственных отношений на восприятие политических рисков иностранными инвесторами и является единственным исследованием в нашей подборке, выполненным с применением метода сбора экспертных оценок. Взяв за основу расхожую гипотезу о том, что двусторонняя помощь, оказываемая страной происхождения инвестиций принимающей стране, снижает риск национализации или экспроприации зарубежных активов её компаний, они решили проверить отношение к ней профессионалов-практиков. Для этого был сформирован экспертный пул

из нескольких сот представителей государственных и коммерческих структур, занимающихся страхованием политических рисков (СПР), которым были разосланы анкеты, содержавшие, среди прочего, и вопрос об их отношении к этой гипотезе. Собрав порядка 75 анкет, авторы также провели более 10 глубинных интервью (по телефону и электронной почте). Эксперты по СПР продемонстрировали убежденность в наличии у внешней помощи митигирующего эффекта применительно к инвесторам из страны-донора. По итогам обработки анкет оказалось, что фактор зависимости страны-реципиента от помощи из страны происхождения инвестиций повышает вероятность (на 6,8%) того, что практики при принятии решений сочтут осуществление капиталовложений в неё менее рискованным (Jensen, Behmer 2018: 12). Этот показатель, однако, почти втрое меньше, чем в случае с фактором наличия двустороннего инвестиционного соглашения между принимающей страной и страной происхождения инвестиций (+21,4%).

Важно и другое: сразу в нескольких глубинных интервью эксперты отметили, что воспринимают зависимость принимающей страны от внешней помощи, скорее, как признак её «хрупкости». На этой основе авторы статьи делают вывод о необходимости критического отношения к результатам, полученным в ходе эконометрических исследований, которые могут попросту не учитывать амбивалентный характер влияния зависимости от помощи на риск экспроприации (Jensen, Behmer 2018: 14–15).

Последней в этом ряду заслуживает упоминания статья американских учёных Ш.Л. Блантон из Университета Алабамы в Бирмингеме и К. Мартинез Машен из Университета штата Нью-Йорк в Баффало (Blanton, Machain 2022). В отличие от всех других публикаций в подборке она посвящена оценке митигирующего воздействия американской военной помощи на потоки ПИИ из США через изменение оцениваемого уровня риска и его сопоставлению с эффектом от использования инструментов СПР.

Используя данные в общей сложности по 180 странам-реципиентам, они обнаружили позитивную корреляцию между получением страной военной помощи от США и объёмами капиталовложений со стороны американских частных инвесторов. Авторы объясняют это тем, что военная помощь может содействовать улучшению экономической и социальной инфраструктуры в стране-реципиенте, укреплять её институциональный потенциал и улучшать обстановку в сфере безопасности и бизнес-климат (Blanton, Machain 2022: 113–114). Полученные результаты, отчасти противоречащие выводам К. Гаррига и Б.Дж. Филиппса, позволяют Ш.Л. Блантон и К.М. Машен констатировать наличие и у военной помощи «сигнального» эффекта, который проявляет себя, главным образом, в тех странах, куда инвесторы уже вошли, влияя на их решение наращивать объёмы своих капиталовложений. При этом этот сигнальный эффект гораздо более заметен в тех странах, где американские инвесторы получали содействие от Корпорации частных зарубежных инвестиций в виде СПР (Blanton, Machain 2022: 113–114).

Хотя Ш.Л. Блантон и К.М. Машен исследовали только опыт США, есть все основания предполагать, что выявленные ими закономерности могут иметь место и применительно к другим провайдерам помощи/странам происхождения ПИИ. «Сигнальный эффект» военной помощи – наряду с эффектом, производимым применением властями стран происхождения инструментов СПР (равно как и других инструментов мобилизации ресурсов частного сектора) – существенно усложняет задачу достоверного установления влияния «классической» международной помощи на ПИИ.

Изложенные в этом разделе тезисы авторов, безусловно, представляют наибольший интерес в плане концептуального осмысления рассматриваемой нами связки. Однако следует признать, что внимание учёных к обобщениям такого уровня несопоставимо с их интересом к анализу воздействия международной помощи на отдельные типы политических рисков – экспроприацию, терроризм, коррупцию. Оценка научной разработанности каждого такого «ответвления» интересующей нас «связки» представлена ниже.

Оценки влияния различных видов международной помощи на отдельные типы политических рисков

Влияние помощи на риск экспроприации. Эмпирически влияние такого рода обнаружил в 1980 г. американский учёный Д. Йодиче. Проведённый им анализ показал, что повышение степени зависимости от американской помощи снижало риск экспроприации властями стран-реципиентов активов инвесторов из США, поскольку заставляло власти опасаться прописанного в американском законодательстве в 1962–1973 гг. автоматического прекращения данной помощи в ответ на такие действия (Jodice 1980).

Однако в подлинно системном плане к проработке данного аспекта подошли американские исследователи Э. Асиеду (Университет Канзаса) и А. Вилламил (Университет Иллинойса в Урбане-Шампейне). Определяют они экспроприацию специфически – как нарушение любых условий инвестиционных соглашений (дефолт правительства принимающей страны по соглашениям с зарубежными инвесторами или гарантиям, мешающим резидентам выполнить обязательства перед зарубежными кредиторами) (Asiedu, Villamil 2002: 490). Рассматривая лишь два вида помощи – техническую помощь и льготные кредиты – они пришли к двум основным выводам: 1) международная помощь снижает риск дефолта, способствует притоку капитала в страну-реципиент и в принципе может восстановить уровень инвестиций до оптимального уровня; 2) при высоком риске дефолта помощь может способствовать росту благосостояния и страны-донора, и страны-реципиента. Это позволяет авторам признать международную помощь «скрытым трансграничным механизмом информента» и сформулировать, как они сами его называют, «неальтруистическое» обоснование необходимости её предоставлять (Asiedu, Villamil 2002: 476).

При этом авторы демонстрируют убеждённости в большей эффективности многосторонней помощи по сравнению с двусторонней, а также технической помощи по сравнению со льготными кредитами – ввиду её безвозмездного характера и прямого воздействия на уровень производительности труда в принимающей стране (Asiedu, Villamil 2002: 489).

Развивая данную тему, в 2008 г. Э. Асиеду вместе с двумя другими соавторами Цзинь И (Университет Монаш, Австралия) и Б. Нандва (Йельский университет, США) опубликовала ещё одну статью, где была представлена и апробирована любопытная модель взаимовлияния прямых иностранных инвестиций, политического риска и международной помощи (Asiedu, Jin, Nandwa 2009). В её основу был положен тезис о том, что принимающая страна теряет доступ и к ПИИ, и к ресурсам помощи в случае экспроприации её властями активов иностранных инвесторов (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 269). Авторы утверждают, что при определённых условиях международная помощь может смягчать негативное воздействие риска экспроприации на объёмы ПИИ (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 269).

Доказательства такого митигирующего воздействия внешней помощи были найдены авторами в данных по реципиентам с низким уровнем дохода и отдельно по африканским странам за период с 1983 по 2004 гг. с использованием индекса International Country Risk Guide (ICRG), составляемого Political Risk Services (PRS) Group. Проведённый ими регрессионный анализ позволил прийти к выводу, что двусторонняя и многосторонняя помощь обладают сопоставимым митигирующим эффектом (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 269). При этом авторы подчёркивают, что для полного устранения риска экспроприации потребуются запредельно большие объёмы помощи (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 274). Будучи убеждёнными в необходимости увеличения помощи странам с высоким уровнем риска для осуществления капиталовложений, они подчёркивают, что даже при получении внешней помощи правительствам стран-реципиентов всё равно требуется принимать меры по снижению рисков для притока ПИИ, в первую очередь, укреплять верховенство закона (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 275).

Вектор научного поиска, намеченный Э. Асиеду, закрепили китайские учёные: её соавтор Цзинь И (к тому моменту имевший аффилиацию уже с Юго-Западным университетом финансов и экономики в Чэнду) и Цзэн Чжисюн (Чжуннаньский университет экономики и права, Китай). Они представили своё понимание взаимовлияния между внешней помощью и риском экспроприации для ПИИ в русле позитивной экономической теории (Jin, Zeng 2017). Развивая ту же идею о том, что в случае экспроприации реципиент рискует утратить доступ и к внешней помощи, и к инвестициям, авторы из КНР рассматривают внешнюю помощь в качестве альтернативы заключению двусторонних инвестиционных соглашений, основанной на стимулах, и как инструмент защиты инвестиций (Jin, Zeng 2017: 140).

Ключевой особенностью их подхода является фокус на роли институтов принимающей страны в укоренении принципов защиты иностранных инвестиций от экспроприации в национальном законодательстве (*'commitment technology'*) (Jin, Zeng 2017: 140). Авторы исходят из того, что в достаточно бедных странах с высоким риском экспроприации помощь может играть митигирующую роль, но куда эффективнее стимулировать принимающую страну к проведению реформ и устранению таким образом риска экспроприации раз и навсегда. Впрочем, по мнению китайских учёных, может возникнуть патовая ситуация, когда ни принимающая страна добровольно не захочет брать на себя обязательство не осуществлять экспроприацию, ни страна-донор не будет побуждать принимающую страну к проведению институциональных реформ посредством оказания помощи. В этом случае риск экспроприации сохранится (Jin, Zeng 2017: 140–141).

Отдельного внимания заслуживают работы, посвящённые анализу влияния помощи развивающимся странам со стороны Бреттон-Вудских институтов – МВФ и структур Группы Всемирного банка. Первым на эту тему вышел коллектив во главе с Н. Йенсеном из Университета Техаса, представив проект статьи, посвящённой МВФ, ещё в 2014 г. (Jensen et al. 2014). Её выход в свет занял в общей сложности более пяти лет, и за это время свои изыскания на аналогичную тему успел опубликовать другой научный коллектив из Университета Северного Техаса во главе с Г. Биглейзером (Biglaiser, Lee, Staats 2016).

Используя данные по экспроприациям за 1961–2006 гг. и соглашениям принимающих инвестиции стран с МВФ, они обнаружили, что страны, получающие займы (главным образом, льготные) по этим соглашениям, реже идут на национализацию собственности иностранных компаний. Это авторы объясняют наличием у МВФ «кнута» в виде наложения серьёзных санкций на заёмщиков, которые позволяют ему препятствовать грубым нарушениям прав собственности (Biglaiser, Lee, Staats, 2016: 8). Выявленная указанными авторами закономерность становится ещё более выраженной в странах с высокой степенью зависимости от внешних заимствований (измеряемой как доля займа МВФ в её ВВП) и в странах с более слабыми политическими институтами.

Н. Йенсену и его коллегам, изначально планировавшим также ограничиться исследованием «связки» на примере МВФ, пришлось модифицировать своё исследование и включать в него ещё одну пару переменных – объём льготных кредитов, предоставляемых Всемирным банком, и случаи вмешательства Многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям в урегулирование намечающегося конфликта между властями принимающей страны и зарубежных инвесторов (*cases of 'pre-claims'*) (Jensen et al. 2020). Они обнаружили, что страны, получившие займы от любого из Бреттон-Вудских институтов, реже осуществляют экспроприацию собственности зарубежных инвесторов, особенно в моменты кризиса, когда зависимость от поступающих извне финансовых ресурсов особенно сильна. Соответственно, по их мнению, правительства стран

происхождения обладают возможностью наказывать принимающие страны за экспроприацию как посредством прекращения их двусторонней финансовой поддержки, так и посредством блокирования выдачи им новых займов МВФ и Всемирным банком, а зависимость принимающих стран от этих займов имеет «дисциплинирующий» эффект (Jensen et al. 2020: 894–895).

Работа Н. Йенсена и его коллег крайне показательна также фактом сознательного отказа авторов от использования в качестве ещё одного предиктора агрегированных объёмов международной помощи. Они обосновывают его двумя факторами – с одной стороны, «сложной природой иностранной помощи как внешнеполитического инструмента, применение которого осуществляется в соответствии со стратегическими соображениями государства-донора, а с другой – коллинеарностью – наличием линейной зависимости между помощью и другими объясняющими (контролируемыми) переменными (Jensen et al. 2020: 894–895).

Влияние помощи на риск терроризма. Обзор подгруппы исследований, посвящённых данной теме, следует начать с первопроходческой статьи сотрудника Федерального резервного банка Сент-Луиса С. Бандиопадхиаи и двух представителей академического сообщества – Т. Сэндлера (Университет Далласа, США) и Дж. Юнаса (Американский университет Шарджи, ОАЭ) (Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014). В ней, в частности, предлагается теоретическая модель взаимосвязи между двумя видами терроризма – внутренним и транснациональным – и потоками ПИИ. Используя данные по 78 развивающимся странам за период с 1984²⁴ по 2008 гг. авторы приходят к выводу, что оба вида терроризма негативно воздействуют на потоки ПИИ. Такое негативное воздействие статистически более выражено в случае с внутренним терроризмом – ввиду существенно большего числа зарегистрированных инцидентов, однако акт транснационального терроризма оказывает значительно более сильный эффект на потоки ПИИ (Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014: 48).

Внешняя помощь же, по мнению авторов, может способствовать смягчению этого эффекта, но в большей степени применительно к угрозе внутреннего терроризма. При этом двусторонняя помощь более эффективна в снижении негативного воздействия транснационального терроризма, что авторы объясняют частичной привязкой помощи к проведению контртеррористических мероприятий, тогда как многосторонняя помощь хорошо показывает себя именно в митигации риска внутреннего терроризма, поскольку содействует повышению благосостояния населения и смягчению остроты внутренних противоречий (Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014: 48). Впрочем, авторы указанной статьи

²⁴ Выбор нижней границы в данном случае был обусловлен тем, что с 1984 г. началось составление индекса International Country Risk Guide (ICRG), данные которого авторы используют в рамках регрессионного анализа.

признавали невозможность верифицировать предложенные ими объяснения полученных коэффициентов корреляции в отсутствие полноценных данных по помощи, увязанной с противодействием терроризму.

Тему, нацупанную С. Бандиопадхиаи и его коллегами, вскоре подхватила исследовательница из Наньянского университета (Сингапур) Ли Цзяи (Lee 2017). Отталкиваясь от тезиса, что терроризм является важным фактором, сдерживающим потоки ПИИ, она попыталась доказать, что иностранные инвесторы учитывают в своих решениях о входе в страдающие от терроризма страны ('terrorism-plagued countries') такой фактор, как способность их властей противостоять этой угрозе (Lee 2017: 181). С её точки зрения, получение той или иной страной помощи от США, нацеленной непосредственно на борьбу с терроризмом, может служить достаточно чётким признаком наличия такого потенциала. Причём не только из-за целевой направленности этой поддержки, но и из-за того, что получение такой помощи сигнализирует инвесторам о наличии тесных связей между страной-реципиентом и США и их сотрудничестве в «глобальной войне с терроризмом» (Lee 2017: 183). Ли Цзяи нашла подтверждение своим гипотезам в тех же массивах данных, что и её предшественники, и сделала вывод, что страны, получающие большие объёмы помощи на нужды борьбы с терроризмом, оказываются менее уязвимы к негативному воздействию данного политического риска на потоки ПИИ (Lee 2017: 168).

На выкладки С. Бандиопадхиаи и его коллег и сформированный ими набор данных опирались и африканские учёные У.Р. Эфоби, И. Бикрофт (оба – Университет Ковенанта, Нигерия) и С. Асонгу (Университет Кейптауна, ЮАР) (Efobi, Asogu, Beecroft 2018). Они также попытались оценить митигирующее воздействие международной помощи на связь между уровнем террористической угрозы и потоками ПИИ с введением в уравнение важного дополнительного фактора – борьбы с коррупцией. Они обнаружили, что негативное воздействие терроризма на ПИИ заметно только в странах, где власти эффективно борются с коррупцией, причём только там внешняя помощь и может оказать заметный митигирующий эффект (Efobi, Asogu, Beecroft 2018: 19). Результаты применительно к двусторонней и многосторонней помощи оказались, скорее, амбивалентными. При этом авторы обнаружили митигирующий эффект и у многосторонней помощи – в первую очередь, применительно к тем видам террористической активности, которые не могут быть однозначно классифицированы ни как внутренний, ни как транснациональный терроризм (Efobi, Asogu, Beecroft 2018: 2). Представляет интерес и факт выявления Р. Эфоби, С.А. Асогу и И. Бикрофтом отсутствия негативного воздействия терроризма на входящие потоки ПИИ в странах с высоким уровнем коррупции. Они объясняют это тем, что для инвесторов большее значение, нежели уровень террористической активности, может иметь специфика институциональной структуры в принимающей стране и «вера в способность правительства защитить интересы иностранных инвесторов и нанести поражение внутренним противникам» (Efobi, Asogu, Beecroft 2018: 19).

Влияние помощи на риск коррупции. Коррупция выступает одним из самых традиционных факторов политического риска, удерживающих иностранных инвесторов от входа в развивающиеся страны и дальнейшего наращивания объёма своих капиталовложений. Однако трудов, которые бы оценивали воздействие помощи именно на данный риск, практически нет. Единственное исключение – статья, подготовленная интернациональным коллективом авторов в составе С. Баху (Парижская школа бизнеса, Франция), И. Алона (Ариэльский университет, Израиль), Й. Флореани (Университет Удине) и М. Куккулелли (Политехнический университет Марке, Италия) (Bahoo et al. 2023). Анализируя панельные данные по оказанию двусторонней помощи европейскими государствами – членами ОЭСР 34 африканским странам за период с 2001 по 2018 гг. и потокам ПИИ, они пришли к выводу, что внешняя помощь смягчает негативный эффект коррупции для прямых иностранных инвестиций, но подлинно значимым такое митигирующее воздействие является только в демократических странах (Bahoo et al. 2023: 461).

Отметим: о каком бы конкретном политическом риске ни шла речь, зарубежные авторы, выбирая путь верификации выдвигаемых ими априорных гипотез на эмпирическом материале, не стремятся к обеспечению инклюзивности выборки – применительно как к реципиентам, так и к провайдерам международной помощи. Ни одно из перечисленных исследований не рассматривает опыт западных доноров – даже тех, кто предоставляет отчётность по ОПР в ОЭСР. Возможно, это предопределяется фрагментарностью статистических данных, поскольку наиболее крупные и значимые провайдеры такой категории – Российская Федерация, Турция, монархии Персидского залива, начали предоставлять такие данные лишь недавно. Вместе с тем опыт КНР изучается весьма активно – пусть и обособленно – в силу обозначенных во втором разделе объективных причин, и результаты соответствующих исследований также заслуживают внимания.

Осмысление специфики опыта КНР

Одним из первых интересующую нас связку применительно к Китаю начал разрабатывать ещё в конце 2000-х гг. Д. О’Нил в ходе подготовки докторской диссертации на базе Университета имени Джорджа Вашингтона в Сент-Луисе (США) (O’Neill 2010). На основе данной диссертации, пока находящейся под эмбарго, уже в качестве доцента политологии Факультета международных исследований Тихоокеанского университета в 2011 г. он представил проект статьи (O’Neill 2011) (в полном виде так и не опубликованной), где задался вопросом: что объясняет способность китайских госкомпаний успешно инвестировать в страны с высоким уровнем политического риска? Причину Д. О’Нил увидел в специфике китайской двусторонней помощи. По его мнению, помощь КНР укрепляет способность элит принимающей страны удерживать власть и по-

буждает их воздерживаться от действий, ущемляющих права китайских компаний. В этом смысле официальная помощь КНР является «де факто страховкой» для капиталовложений китайских инвесторов в проблемные страны (O'Neill 2011: 2). Свои гипотезы Д. О'Нил подтвердил на примере деятельности китайских госкомпаний в Камбодже и Казахстане²⁵.

Несколько лет спустя англоязычный дискурс по данной теме стали пополнять и работы китайских учёных. Коллектив исследователей, аффилированных с австралийскими университетами, в составе Лу Вэньчжэнь (Университет Мельбурна), Хуан Сюэли и М. Мучири (оба – Мельбурнский королевский технологический институт) (Lu, Huang, Muchiri 2017) поставил цель оценить роль помощи КНР в митигации политических рисков для китайских ПИИ в Африку. Они опирались на предложенную директором – организатором Центра изучения формирующихся рынков Северо-Восточного университета в Бостоне Р. Рамамурти (Ramamurti 2001)²⁶ модель двухуровневых переговоров о вхождении транснациональных компаний на рынки развивающихся стран и её адаптацию к китайским реалиям, осуществленную коллективом авторов во главе с Ли Цзин²⁷.

Используя панельные данные по 50 африканским странам, получавшим китайские инвестиции в период с 2003 по 2012 г., Лу Вэньчжэнь, Хуан Сюэли и М. Мучири не выявили такого рода эффект применительно ко всем странам Африки. Другими словами, они не нашли подтверждения широко распространенному аргументу о том, что власти КНР используют помощь в переговорном процессе в целях снижения политического риска для инвестиций национальных компаний. В то же время авторы обнаружили митигирующий эффект китайской помощи при осуществлении госкомпаниями из КНР инвестиций в стратегические отрасли стран, богатых природными ресурсами (Lu, Huang, Muchiri 2017: 13).

Изобилует эта работа и выводами «нормативного» плана. Её авторы приходят к выводу, что при инвестировании за рубеж китайским компаниям следует полагаться не только на государственную помощь, но и применять практики управления рисками – в том числе механизмы корпоративной социальной от-

²⁵ Более подробно пример с Казахстаном был отдельно разобран Д. О'Нилом в статье, вышедшей в свет в журнале 'Journal of Eurasian Studies' в 2014 г. (O'Neill 2014).

²⁶ В рамках модели Р. Рамамурти правительство страны происхождения может укрепить переговорную позицию ТНК на переговорах с властями принимающей страны – в частности, посредством устранения барьеров для инвестиций и улучшении инвестиционного климата.

²⁷ По мнению Ли Цзин и её соавторов, в случае с африканскими инвестициями в богатые ресурсами государства Африки правительство КНР представляет интересы китайских ресурсодобывающих компаний на переговорах с властями принимающей страны, в ходе которых в обмен на инвестиции в добычу полезных ископаемых китайское правительство выдает займы, за счёт которых финансируются многоцелевые проекты развития в разных секторах, в первую очередь, инфраструктурные проекты. Китайские же компании выполняют обязательства, взятые китайским правительством перед властями принимающей страны (Li et al. 2013).

ветственности, управления цепочками поставок в принимающей стране и т.д. (Lu, Huang, Muchiri 2017: 13). Отдельно обращает на себя внимание и другой пассаж, заслуживающий того, чтобы быть процитированным дословно: «Мы не призываем к тому, чтобы африканские страны, богатые природными ресурсами, с высоким уровнем политического риска, сохраняли этот уровень риска, чтобы получать больше китайской помощи. Наоборот, им нужно снижать его, чтобы привлекать ПИИ в отрасли, не связанные с добычей полезных ископаемых, для снижения своей ресурсной зависимости и диверсификации экономики» (Lu, Huang, Muchiri 2017: 13). Данный вывод в нашем понимании выглядит как откровенная попытка противодействовать начавшему распространяться в западном дискурсе ещё 10–15 лет назад тезису о «разбойничьей помощи» (*'rogue aid'*)²⁸ Китая, якобы закрепляющей «ресурсное проклятье» развивающихся стран (см. например: Brautigam 2011).

Лу Вэньчжэнь и Хуан Сюэли не ограничились одной работой по рассматриваемой нами «смычке» и параллельно опубликовали ещё одну статью – с другими соавторами из КНР, – в которой использовалась чуть более широкая в географическом и временном плане выборка данных, но та же базовая логика (Lu et al. 2018). Авторы доказывали, что вероятность выбора китайскими компаниями пути создания совместных предприятий (традиционного варианта смягчения политических рисков для инвесторов) уменьшается по мере роста объёмов официальной помощи из Китая.

Идея о выходе за рамки Африканского континента при изучении митигирующего воздействия внешней помощи на инвестиции на примере КНР была реализована другим коллективом китайских исследователей (Ван Хайцзюнь; Ян Ху; Ли Фэнъя; Чжан Минь). Их статья, подготовленная с использованием выборки из 124 (!) стран, которым Китай помогал в период с 2000 по 2019 г. (Wang et al. 2022), заслуживает особого внимания, поскольку содержит выводы, касающиеся как опыта КНР, так и рассматриваемой нами треугольной связи в целом.

На основе изученных статистических данных Ван Хайцзюнь и её коллеги сделали два основных заключения. Во-первых, страновые риски, особенно политические и финансовые, оказывают негативное воздействие на зарубежные капиталовложения китайских компаний. Во-вторых, оказание официальной помощи правительством КНР способствует увеличению потоков таких инвестиций, причём этот эффект нарастает со временем (Wang et al. 2022: 252)

Наконец, следует упомянуть вышедшую совсем недавно в свет статью Р. Фона (Лондонская школа экономики и политических наук, Великобритания) и И. Алона (Университет Адгера, Норвегия) (Fon, Alon 2022), в которой предпринята попытка оценить то, как внешняя помощь со стороны КНР соотносится с

²⁸ Naim M. 2007. Rogue Aid. *Foreign Policy*. № 159. March/April. P. 95-96

качеством управления в принимающей стране и влияет на инвестиции китайских госкомпаний в Африке. Анализируя данные по капиталовложениям таких компаний за период с 2003 по 2014 гг. и разграничивая потоки, соответствующие критериям ОПР, и менее льготные формы китайского официального финансирования развития, авторы пришли к двум «контринтуитивным» выводам.

Во-первых, объёмы инвестиций китайских госкомпаний негативно коррелируют с качеством управления в принимающих странах. Во-вторых, эффект этот зависит от типа официального финансирования: традиционная помощь в целом продвигает политические интересы Китая и не настолько тесно связана с инвестиционными проектами китайских государственных компаний (Fon, Alon 2022: 183). Однако помощь и займы КНР, не соответствующие критериям ОПР, не оказывают значимого влияния на связь между качеством управления и объёмами ПИИ. В частности, готовность китайских компаний инвестировать в страны с низким качеством управления повышается по мере подкрепления инвестиций официальными потоками, не соответствующими критериям ОПР. Последние помогают им выстраивать отношения с принимающими странами и минимизировать таким образом риск экспроприации.

В целом указанные авторы видят угрозу в том, что Китай инвестирует именно в добывающие сектора и никак не побуждает реципиентов к повышению качества управления. Исходя из этого, авторы рекомендуют властям африканских стран расширять спектр привлекаемых инвестиций и создавать для этого инклюзивные демократические институты (Fon, Alon 2022: 193). Тем самым Р. Фон и И. Алон прямо оспаривают тезис, который отстаивали их коллеги из КНР – Лу Вэньчжэнь и Хуан Сюэли (Lu, Huang 2017).

Детальное ознакомление с содержанием публикаций, посвящённых КНР, указывает на зримую и весьма стремительную политизацию заявленной проблематики. На фоне обострения межгосударственного соперничества её разработка закономерно начинает получать целевое финансирование со стороны различных фондов поддержки научной деятельности общенационального или университетского уровня как в самой Поднебесной, так и в странах Запада, воспринимающих рост китайской помощи и инвестиций как явную угрозу своим интересам на Глобальном Юге.

Заключение

Проведённое исследование, объединившее традиционные для библиографических обзоров техники с методами количественного библиометрического анализа, позволяет прийти к следующим выводам.

Проблематика влияния внешней помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций на данный момент разработана в научной литературе достаточно слабо, что определённо не соответствует тому уровню внимания, которое уделяется ей в современном политическом дискурсе.

Объясняется это в том числе и выявляемым с помощью библиометрии дефицитом исследований, изучающих диадные связи между элементами изучаемой триады явлений.

Достаточное число подлинно релевантных исследований можно найти только вручную, смягчая условия отбора. Невооружённым глазом заметно отсутствие учреждений, которые разрабатывают данную проблематику на постоянной основе, равно как и журналов, которые бы уделяли ей особое внимание и рассматривались бы в академическом сообществе как «профильные» по этой теме.

Однако важнее то, что обзор литературы указывает на весьма существенные содержательные ограничения имеющегося массива исследований.

Во-первых, бросается в глаза почти полное отсутствие релевантных трудов, охватывающих весь спектр политических рисков для бизнеса, – как экстра-легального, так и легально-правительственного происхождения. Особенно странным выглядит отсутствие работ, посвящённых роли международной помощи в митигации рисков, связанных с протестной активностью, государственными переворотами, вооружёнными конфликтами и т.д.

Во-вторых, авторы лишь в исключительных случаях разграничивают митигирующий эффект грантов и кредитов и помощи с разным целевым назначением, не акцентируют внимание на том, направляется ли помощь по государственной линии или в обход официальных институтов.

В-третьих, было обнаружено лишь одно исследование, которое бы сопоставляло практику западных и незападных доноров в области митигации политических рисков для ПИИ посредством ОПР. Преимущественно авторы ограничиваются набором развитых стран – членов ОЭСР. Среди «традиционных» доноров исследователей интересует, в первую очередь, США. Из незападных стран учёных волнует пока лишь опыт Китая, который изучается обособленно, в том числе из-за отсутствия сопоставимых статистических данных.

В-четвёртых, по большей части, релевантные исследования не охватывают всех реципиентов. В большинстве случаев в фокусе авторов, оказывается Африканский континент (как в работах общего характера, так и в трудах, посвящённых КНР). При этом чаще всего при анализе роли ОПР в митигации политических рисков для ПИИ не проводится отдельно разграничения между «хрупкими» и стабильными государствами, более богатыми и более бедными странами и т.д.

Показательно, что почти все рассмотренные статьи имеют и «нормативную»/рекомендательную составляющую. Большая часть рекомендаций в статьях, подготовленных по инициативе западных учёных, вполне соответствуют неолиберальным канонам. В них может эксплицитно постулироваться или имплицитно обосновываться необходимость укрепления верховенства права (Asiedu, Jen, Nandwa 2009), демократизации (Fon, Alon 2022); обусловливания помощи осуществлением структурных реформ правительством страны-

реципиента в целях снижения политических рисков (Asiedu, Jen, Nandwa 2009) или требованиями по снижению коррупции (Bahoo et al. 2023). На этом фоне несколько «маргинально» смотрятся призывы к правительству коммерчески ориентированной Японии усилить акцент на использовании помощи в качестве инструмента борьбы с бедностью (Kimura, Todo 2010) или рекомендации США стать менее стратегически ориентированными, пересмотреть цели предоставления своей помощи и активизировать усилия по привлечению ПИИ в развивающиеся страны (Garriga, Phillips 2014: 298).

Практические выводы же китайских авторов по большей части «легитимируют» политику, которую проводят официальные власти КНР. С одной стороны, это касается как оправдания «эгоистического» («неальтруистического») подхода к использованию помощи в качестве инструмента защиты иностранных инвестиций (Jin, Zeng 2017). С другой – очевидных попыток оспорить получивший распространение ещё несколько лет назад в англоязычном дискурсе тезис о «разбойничьей» природе такой помощи ('rogue aid'), которая-де противоречит принципам, продвигаемым «клубом западных доноров» – КСР ОЭСР – в том числе принципам «надлежащего управления» ('good governance').

Другими словами, происходит определённая политизация фундаментальных исследований по заявленной проблематике. Есть все основания полагать, что их выводы всё чаще будут использоваться в спорах на фоне обостряющегося противостояния между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР, РФ, Ираном и другими нелояльными Западу странами, с другой.

Наконец, в-пятых, на данный момент ни одно исследование не привлекало данных по ОПР или ПИИ за период после начала пандемии COVID-19, которая внесла заметные коррективы и в представления о политических рисках, и в распределение потоков международной помощи и иностранных инвестиций.

Важно и другое: многие авторы отобранных нами трудов понимали ограниченность некоторых своих выводов и необходимость дезагрегации сводных показателей. Речь шла, в частности, об учёте различий в видах помощи (Asiedu, Jin, Nandwa 2009; Kimura, Todo 2010; Garriga, Phillips 2014) и её целевой направленности (Fon, Alon 2022) и различий между реципиентами (Kimura, Todo 2010; Lu, Huang, Muchiri 2017), анализе опыта других доноров (Lu, Huang, Muchiri 2017), в т.ч. Индии (Fon, Alon 2022). Кроме того, отдельные авторы призывали и к изучению влияния помощи на политические риски для других типов внешнеэкономической деятельности, в том числе портфельных инвестиций и предоставления государственных кредитов на коммерческой основе (Asiedu, Jin, Nandwa 2009; Fon, Alon 2022). Однако предметные предложения по уточнению полученных результатов, которые давались, в том числе и в достаточно давно опубликованных и обширно цитируемых статьях, по сути, так и остались нереализованными.

Всё вышесказанное вполне однозначно указывает на наличие исследовательской ниши, которую необходимо заполнить, предприняв попытку преодолеть хотя бы часть из выявленных в обзоре ограничений. Внесение вклада в разработку данной проблематики, с одной стороны, будет соответствовать выявленному устойчивому тренду на расширение географии авторов, изучающих данную тему. С другой стороны, оно будет иметь не только собственно научное, но и важное прикладное значение и поможет улучшить понимание перспектив реализации ЦУР в существенно ухудшившихся за 2020-е гг. условиях. При этом в дальнейшей разработке темы необходимо обязательно учитывать сложность разграничения влияния, которое оказывают на факторы политического риска традиционные способы оказания помощи, и всё более активно используемые (как западными, так и незападными странами) инновационные инструменты финансирования развития, а также прочие финансовые потоки, не соответствующие критериям ОПР.

Об авторе:

Владимир Игоревич Бартенев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Email: vbartenev@hse.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-01060 «Влияние новых трендов в оказании содействия международному развитию на параметры политических рисков для внешнеэкономической деятельности»

UDC 327.81:339.9
Received: August 31, 2023
Accepted: October 2, 2023

Foreign Aid's Effect on Political Risks for Foreign Direct Investment: A Literature Review

V.I. Bartenev
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188)

HSE University

Abstract: The last decade has seen an increasing focus on the involvement of the private sector in international sustainable development, particularly in high-risk jurisdictions. This involvement encompasses a broad spectrum, incorporating innovative private sector instruments—now acknowledged as ODA-eligible by the OECD—as well as traditional tools of external official support to developing countries, which remain the primary contributors to ODA flows. This literature review aims to consolidate the academic exploration of the enduring classic foreign aid tools' impact on the political risks associated with foreign direct investment (FDI), and identifies prevalent limitations while suggesting approaches to overcome these challenges.

The first section delineates the central theme and rationale behind the literature selection process, utilizing the Google Scholar database to contextualize the research within a comprehensive framework. The subsequent section categorizes and compares the most relevant studies based on formal criteria and methodological parameters. Sections three and four critically assess the scholarly contributions in conceptualizing the mitigating influence of foreign aid in general, focusing on its impact on specific political risks such as expropriation, terrorism, and corruption. The concluding section delves into studies that explore foreign aid and foreign direct investment flows from China, the largest non-Western donor.

A bibliometric analysis reveals a noteworthy disparity between research attention and policy-making focus on the subject matter. Notably, the selected papers fail to comprehensively cover the full spectrum of primary extra-legal and legal-governmental political risks for transnational businesses. Scholars' assessments of foreign aid's mitigating effect often lack differentiation between grants and loans or between flows directed to different sectors, as well as the distinction between aid routed through public institutions and bypassing them. Notably absent is a comprehensive analysis encompassing the complete range of 'established' Western and emerging non-Western aid providers, or an exploration of aid flows from non-OECD countries other than China. Most research focuses on Africa and fails to differentiate between recipients based on fragility, income levels, or other relevant categorizations. Moreover, the researchers have yet to delve into data post the COVID-19 outbreak, a critical period that significantly altered perceptions of political risk, foreign aid, and FDI flows. The literature review illuminates a research gap awaiting substantial exploration.

Keywords: foreign aid, political risks, foreign direct investment, bibliometrics, econometrics, terrorism, expropriation, corruption, conflict

About the author:

Vladimir I. Bartenev – Candidate of Historical Sciences (PhD in History), Leading Research Fellow, Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University 'Higher School of Economics', Russia, 20 Myasnitskaya, Moscow, 101000. E-mail: vbartenev@hse.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This research has been conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, project No 23-28-01060 "Impact of New Trends in Provision of International Development Assistance on Parameters of Political Risks for External Economic Activity"

References:

- Asiedu E., Jin Y., Nandwa B. 2009. Does Foreign Aid Mitigate the Adverse Effect of Expropriation Risk on Foreign Direct Investment? *Journal of International Economics*. 78(2). P. 268–275. DOI: 10.1016/j.jinteco.2009.03.004
- Asiedu E., Villamil, A. P. 2002. Imperfect Enforcement, Foreign Investment, and Foreign Aid. *Macroeconomic Dynamics*. Cambridge University Press. 6(4). P. 476–495. DOI: 10.1017/S1365100501010070.4. 465100501010070
- Bahoo S. et al. 2023. Corruption, Formal Institutions, and Foreign Direct Investment: The Case of OECD Countries in Africa. *Thunderbird International Business Review*. 65(5). P. 461–483. DOI: 10.1002/tie.22361
- Bandyopadhyay S., Sandler T., and Younas J. 2014. Foreign Direct Investment, Aid, and Terrorism. *Oxford Economic Papers*. №1. P. 25–50. DOI: 10.1093/oep/gpt026
- Biglaiser G., Lee H., Staats L. 2016. The Effects of the IMF on Expropriation of Foreign Firms. *Review of International Organisations*. №11. P. 1–23. DOI: 10.1007/s11558-015-9226-8
- Blanton S.L., Machain C.M. 2022. US Military Aid, Political Risk Insurance, and Foreign Direct Investment: Overcoming Obstacles to US Foreign Policy. *Journal of Political & Military Sociology*. 49(1). P.87–119.
- Brautigam D. 2011. *The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa*. Oxford University Press.
- Donaubauer J., Herzer D., Nunnenkamp P. 2014. Does Aid for Education Attract Foreign Investors? *An Empirical Analysis for Latin America*. №26. P. 597–613. DOI: 10.1057/ejdr.2013.47
- Efobi U., Asongu S. Beecroft I. 2018. Aid, Terrorism, and Foreign Direct Investment: Empirical Insight Conditioned on Corruption Control. *International Economic Journal*. 32(4). P. 610–630. DOI: 10.1080/10168737.2018.1549089
- Fon R., Alon I. 2022. Governance, Foreign Aid, and Chinese Foreign Direct Investment. *Thunderbird International Business Review*. 64(2). P. 179–201. DOI: 10.1002/tie.22257
- Gamso J., Dimitrova A. 2023. Rewarding a Friend: Does the World Bank Direct Non-Commercial Risk Insurance to Countries that Support US Foreign Policy Interests? *New Political Economy*. DOI: 10.1080/13563467.2023.2230557
- Gamso J., Neslon R.C. 2019. Does Partnering with the World Bank Shield Investors from Political Risks in Less Developed Countries? *Journal of World Business*. 54(5). DOI: 10.1016/j.jwb.2019.100997
- Garriga A., Phillips, B. 2014. Foreign Aid as a Signal to Investors: Predicting FDI in Post-Conflict Countries. *The Journal of Conflict Resolution*. 58(2). P. 280–306. 10.1177/002200271246

Harm P., Lutz M. 2006. Aid, Governance and Private Foreign Investment: Some Puzzling Findings for the 1990s. *Economic Journal*. 116(513). P. 773–790. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2006.01111.x

Jensen N. et al. 2014. *Crisis and Contract Breach: The Domestic And International Determinants of Expropriation*. Working Paper. URL: <https://www.natemjensen.com/wp-content/uploads/2014/09/Crisis-Expro-Nov11.pdf> (accessed: 25.10.2023).

Jensen N. et al. 2020. Crisis and Contract Breach: The Domestic and International Determinants of Expropriation. *Review of International Organisations*. №15. P. 869–898. DOI: 10.1007/s11558-019-09363-z

Jensen N., Behmer T. 2018. *Home Country Attributes and Elite Evaluations of Political Risk Abroad*. Unpublished Manuscript. April 14. URL: <https://www.natemjensen.com/wp-content/uploads/2018/04/Jensen-Behmer-Home-Country-Attributes-Working-Paper-Version.pdf> (accessed 25.10.2023)

Jin Y., Zeng Z. 2017. Expropriation and Foreign Direct Investment in a Positive Economic Theory of Foreign Aid. *Economic Theory*. 64(1). P. 139–160. DOI: 10.1007/s00199-016-0973-4

Jodice D.A. 1980. Sources of Change in Third World Regimes for Foreign Direct Investment, 1968–1976. *International Organization*. 34(2). P. 177–206. DOI: 10.1017/S0020818300018737

Kimura H., Todo Y. 2007. Is Foreign Aid a Vanguard of FDI? A Gravity-Equation Approach. *RIETI Discussion Paper Series*. 07-E-007. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/07e007.pdf> (accessed 25.10.2023)

Kimura H., Todo Y. 2010. Is Foreign Aid a Vanguard of Foreign Direct Investment? A Gravity-Equation Approach. *World Development*. 18(4). P. 482–497. DOI: 10.1016/j.worlddev.2009.10.005

Lee C. 2017. Terrorism, Counterterrorism Aid, and Foreign Direct Investment. *Foreign Policy Analysis*. №1. P. 168–187. DOI:10.1111/fpa.12087

Li J. et al. 2013. The Two-Tier Bargaining Model Revisited: Theory and Evidence from China's Natural Resource Investments in Africa. *Global Strategy Journal*. 3(4). P. 300–321. DOI: 10.1111/j.2042-5805.2013.01062.x

Lu J., Huang X., Muchiri M. 2017. Political Risk and Chinese Outward Foreign Direct Investment to Africa: The Role of Foreign Aid. *Africa Journal of Management*. 3(1). P. 82–98. DOI: 10.1080/23322373.2016.1275941.

Lu J., Li W., Wu A. 2018. Political Hazards and Entry Modes of Chinese Investments in Africa. *Asia Pacific Journal of Management*. №35. P. 39–61. DOI: 10.1007/s10490-01-9514-3

Mishra Sh., Fedorenko E. 2019. The Relationship of Foreign Aid and Foreign Direct Investment in Nepal. *Vestnik Mirbis*. 1(17). P. 79–84.

O'Neill D. 2010. Risky Business: The Political Economy of China's Outward Foreign Direct Investment. *Arts & Sciences Electronic Theses and Dissertations*. DOI: 10.7936/K7X34VQX.

O'Neill D. 2011. Risky Business: China's Foreign Direct Investment and Aid to Developing States. *APSA 2011 Annual Meeting Paper*.

O'Neill D. 2014. Risky Business: The Political Economy of Chinese Investment in Kazakhstan. *Journal of Eurasian Studies*. 5(2). P. 145–156. DOI: 10.1016/j.euras.2014.05.007

Peinhardt C., Allee T. 2016. Political Risk Insurance as Dispute Resolution. *Journal of International Dispute Settlement*. 7(1). P. 205–224. DOI: 10.1093/jnlids/idv034

Perry M.B. 1996. A Model for Efficient Foreign Aid: The Case for the Political Risk Insurance Activities of the Overseas Private Investment Corporation. *Virginia Journal of International Law*. №36. P. 511–588.

Ramamurti R. 2001. The Obsolescing Bargaining Model? MNC-Host Developing Country Relations Revisited. *Journal of International Business Studies*. 32(1). P. 23–39. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490936

Selaya P., Sunesen E. 2012. Does Foreign Aid Increase Foreign Direct Investment? *World Development*. 40(11). P. 2155–2176. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.06.001

Van der Veen A. M. 2011. *Ideas, Interests and Foreign Aid*. Cambridge University Press. 312 p.

Wang H. et al. 2022. Does Foreign Aid Reduce the Country's Risk of OFDI? The Chinese Experience. *International Studies of Economics*. 18(2). P. 238–258. DOI: 10.1002/ise3.20

Bartenev V.I. 2023. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu i politicheskie riski dlya vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti: logika sopryazheniya tem [International Development Cooperation and Political Risks for Transnational Business: Linking Research Topics]. *Lomonosov World Politics Journal*. 15(1). P. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163 (In Russian)

Braterskii M.V. 2010. *Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski* [Economic Instruments of Foreign Policy and Political Risks]. Moscow: HSE Publishing House. 230 p. (In Russian)

Degtarev D.A. 2012. Sodeistvie mezhdunarodnomurazvitiyu kak instrument prodvizheniya vneshnepoliticheskikh i vneshneekonomicheskikh interesov [Game-Theoretic Analysis of International Development Assistance Regimes]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(23). P. 47–58. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-47-58 (In Russian)

Maksimova A.V. 2015. Chto tsenim, to i otsenivaem: otsenka rezul'tativnosti sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu [Measure What Is Treasured: Evaluating the Effectiveness of Development Assistance]. *International Organisations Research Journal*. 10(1). P. 56–79. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-01-44 (In Russian)

Silkin V.V. 2011. Politicheskie riski i pryamye inostrannye investitsii: mezhdunarodnoe strakhovanie (Chast' 2) [International Insurance of Foreign Direct Investment Against Political Risks]. *Bulletin of the Federal State Institution "State Registration Chamber under the Ministry of Justice of the Russian Federation"*. 4. P. 46–54. (In Russian)

Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt. 2018. [International Development Assistance as Foreign Policy Tool: Foreign Experience. Ed. by V. Baranovsky, Yu. Kvashnin, N. Toganova. Moscow: IMEMO. DOI: 10.20542/978-5-9535-0548-2 (In Russian)]

Список литературы на русском языке:

Бартнев В.И. 2023. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 15(1). С. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163.

Братерский М.В. 2010. *Экономические инструменты внешней политики и политические риски*. Москва: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики. 230 с.

Дегтерев Д.А. 2012. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(23). С. 47–58. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-47-58

Максимова А.В. 2015. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию. *Вестник международных организаций*. 10(1). С. 56–79. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-01-44

Силкин В.В. 2011. Политические риски и прямые иностранные инвестиции: международное страхование (Часть 2). *Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации»*. №4. С. 46–54.

Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт. 2018. Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. Москва: ИМЭМО РАН. DOI: 10.20542/978-5-9535-0548-2